

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Летняков Д.Э.

**Россия в постсоветском пространстве: ресурсы и
инструменты политики «мягкой силы»**

Москва 2017

Аннотация. Сегодня очевидно, что влияние государств на международной арене не измеряется исключительно их военным или экономическим потенциалом, не случайно в политической науке уже четверть века активно разрабатывается концепция «мягкой силы», предложенная Дж. Наем. И хотя изначально идея «мягкой силы» была сформулирована применительно к США, для объяснения американского влияния в мире, она быстро получила распространение в других странах. Но насколько понятие «мягкая сила», возникшее в американских реалиях, может некритически переноситься на другие регионы мира? В данном исследовании решаются две главные задачи: во-первых, представляется важным оценить, является ли эвристически ценным использование концепта «мягкая сила» для описания возможностей российского влияния в ключевом для России регионе – на постсоветском пространстве (необходимо понять, есть ли вообще у России ресурсы, которые могут быть классифицированы как “soft” и могут ли они быть эффективно использованы в отношении именно постсоветских государств) и, во-вторых, предстоит оценить, насколько эффективно в настоящее время выстроена стратегия применения российской «мягкой силы» в «ближнем зарубежье».

Ключевые слова: Россия, постсоветское пространство, «мягкая сила», влияние, русский язык, культура, культурно-символические ресурсы, образование, имидж, национальный бренд.

Nowadays state's influence in international relations obviously can't be reduced to its military or economic potential. Not by coincidence J. Nye's concept of "soft power" built up in 1990 for the USA, gained such popularity in the whole world. But if this notion that was initially formulated to explain American influence in the world, can be automatically extended to other regions of the globe? This research has two main goals: (1) to estimate if it's productive to use the notion of "soft power" to describe the capability of Russian influence in the post-Soviet space and (2) to estimate the effectiveness of Russian "soft power" strategy that is carried out at present.

Key words: Russia, the post-Soviet-space, "soft power", influence, Russian language, culture, culture and symbolic resources, education, image, national brand.

Летняков Д.Э. научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 «Мягкая сила» России на постсоветском пространстве: возможности и ограничения	5
2 Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия	18
2.1 Россия – инерция советской «мягкой силы».....	19
2.2 США: ставка на международное развитие.....	25
2.3 Китай: культуроцентрический подход политического pragmatизма	29
2.4 Индия: Центральная Азия как второе стратегическое кольцо	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	43
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	46

ВВЕДЕНИЕ

Согласно известному апокрифу, когда Сталину посоветовали не портить отношения с могущественным папой Римским, советский вождь с иронией спросил, сколько дивизий имеется в распоряжении Ватикана. Сегодня, однако, влияние государств на международной арене не измеряется исключительно их военным или экономическим потенциалом, не случайно в политической науке уже более четверти века активно разрабатывается концепция «мягкой силы» [1], предполагающая воздействие на другие страны с помощью «нематериальных» факторов: собственной культуры, системы ценностей, успешной модели социального развития, узнаваемых национальных брендов и т.д.

И хотя изначально идея «мягкой силы» была сформулирована ее создателем Дж. Наем применительно к США, для объяснения американского влияния в мире, она быстро получила распространение в других странах, и сегодня уже общим местом являются рассуждения о китайской, бразильской, японской и прочих вариантах «мягкой силы». Россия тоже старается «быть в тренде» – в принятой в 2013 г. Концепции внешней политики о «мягкой силе» впервые говорится как о неотъемлемой части современных международных отношений [2]; еще ранее был создан ряд институций, призванных обеспечивать реализацию российской «мягкой силы» – прежде всего, это федеральное агентство Россотрудничество, Фонд им. А.М. Горчакова и фонд «Русский мир».

Активная проработка концепта «мягкой силы» идет также на уровне российского академического и экспертного сообщества – достаточно набрать искомые слова в базе любой крупной электронной библиотеки, и система предложит на выбор десятки наименований статей, монографий и диссертаций. Тем не менее, в этой теме до сих пор сохраняются многочисленные лакуны, которые ждут еще своих исследователей. В частности, довольно мало у нас пишут о чисто прикладных аспектах «мягкой силы»: что должна представлять собой российская «soft power» в ее практическом воплощении? каким образом работают структуры, созданные для ее продвижения? есть ли здесь у России конкурентные преимущества в сравнении с другими странами? Мы попытаемся восполнить этот пробел, рассматривая обозначенный круг вопросов применительно к постсоветскому пространству.

Не секрет, что постсоветское пространство чрезвычайно важно для России – здесь реализуются значимые для нашей страны интеграционные проекты вроде

ЕАЭС, со многими постсоветскими странами мы по-прежнему связаны прочными экономическими связями, а также сотрудничеством в сфере безопасности, борьбы с терроризмом и т.д. А потому возможности для России оставаться в регионе доминирующей силой (или, по крайней мере, одной из доминирующих сил) является принципиально важным для ее национальных интересов.

1 «Мягкая сила» России на постсоветском пространстве: возможности и ограничения

Сегодня понятием «мягкая сила» оперируют применительно к самым разным регионам мира, в т.ч. и к постсоветскому пространству – эксперты рассуждают о потенциале российской «мягкой силы» в Центральной Азии или Закавказье, сопоставляют его с возможностями американской, китайской, турецкой “soft power”, кроме того в государствах бывшего СССР действуют институции, призванные продвигать российскую «мягкую силу» (Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд Горчакова).

Но насколько понятие «мягкая сила», изначально возникшее для описания тех ресурсов, которыми могут пользоваться Соединенные Штаты в своей внешней политике, может некритически, в неизменном виде переноситься на наши евразийские просторы? Не имеем ли мы здесь типичную ситуацию «концептуальной натяжки» (Дж. Сартори), когда понятие, сложившееся в одних условиях, и релевантное им, мы вводим в совершенно иной контекст, используем для интерпретации другой реальности, в результате понятие чрезмерно «растягивается», теряет свою содержательную точность? Одна из задач нашего исследования – оценить, является ли эвристически ценным использование концепта «мягкая сила» для описания внешнеполитической активности России в ключевом для нее регионе – на постсоветском пространстве. Для этого нам следует, с одной стороны, понять, насколько то, что мы подразумеваем под российской «мягкой силой», соответствует хрестоматийному определению Дж. Ная, иначе говоря, есть ли вообще у России ресурсы, которые могут быть классифицированы как “soft”; с другой стороны, если мы исходим из того, что такие ресурсы все-таки есть, могут ли они быть эффективно использованы в отношении постсоветских государств.

Начнем мы с тех ограничений, которые, на наш взгляд, не позволяют говорить о российской «мягкой силе» на постсоветском пространстве точно также, как это делал Дж. Най, рассуждая об американской “soft power”. Мы видим здесь

три главных ограничения. Первое касается самого определения «мягкой силы», предложенного Дж. Наем. Согласно американскому политологу, «мягкая сила» – это возможность добиваться целей во внешней политике, используя привлекательность своей страны, которая, в свою очередь, основывается на притяжении культуры (как высокой, так и массовой), политических идеалов и ценностей, а также на легитимных в глазах других государств действиях во внешней политике [3]. Применяя эту триаду к современной России, мы можем отметить отсутствие в ней, по крайней мере, одного элемента – транслируемых вовне ценностей и идеалов. У США есть это мощное идеологическое основание их внешней политики – представление о себе как о “*a shining city on a hill*” («граде на холме»), который призван нести всему миру ценности свободы. Был этот идеологический ресурс и у Советского Союза – можно вспомнить, что еще в 1920-30-е гг. многие на Западе видели в советской модели жизнеспособную альтернативу капитализму, а в «третьем мире» симпатии к СССР основывались на его антиимпериалистической риторике и поддержке процессов деколонизации. Но что может предложить в этом смысле нынешняя Россия? Сразу после распада СССР она, подобно другим бывшим союзным республикам, заявляла о своей приверженности ценностям демократии, свободы, рыночной экономики, т.е. тем ценностям, которые ассоциируются, прежде всего, с Западом. В последние годы российской элитой предпринимаются попытки выдвинуть некоторую альтернативу – скажем, все чаще говорят о России как защитнице «традиционных ценностей», однако нельзя сказать, что это выглядит сильно убедительно, в т.ч. для постсоветских государств, хотя бы потому что определенная их часть апеллирует к своей собственной исламской традиции.

Второе ограничение связано со спецификой политических режимов, которые установились в части постсоветских государств (Центральная Азия, Азербайджан, Беларусь). Дело в том, что классические концепции «мягкой силы» предполагают, прежде всего, воздействие на гражданское общество, на общественное мнение той или иной страны, на работу с различными группами среди политических, интеллектуальных и деловых элит. Скажем, один из аргументов Дж. Ная в пользу важности использования американской «мягкой силы» состоит в том, что привлекательность Соединенных Штатов среди европейского, японского или турецкого избирателя делает эти страны более надежными союзниками США [4]. Но что делать в ситуации, когда гражданское общество крайне слабо, а парламент ничего не решает, оставаясь простым придатком президентской власти? Насколько

успешной может быть публичная дипломатия, важнейшим аспектом которой является взаимодействие с НПО и работа с иностранной аудиторией, если в стране нет ничего похожего на западную *public policy*? Скажем, образ России в Таджикистане может быть сколь угодно благоприятным, общественное мнение этой страны может быть всецело расположено к ней, однако это совершенно не мешает президенту Э. Рахмону – как это было в 2007 г. – вдруг инициировать закон, лишивший русский статуса языка межнационального общения, а заодно и запретить фамилии с русскими окончаниями. Аналогичные колебания демонстрирует все постсоветские годы Узбекистан, который то входил в различные интеграционные объединения под эгидой России (например, в ОДКБ), то заявлял о приостановке членства или выходе из них, в зависимости от личных соображений и расчетов президента И. Каримова. Разумеется, такой стиль управления, свойственный в той или иной мере многим постсоветским государствам, ограничивает возможности использования там инструментов «мягкой силы».

Наконец, третий очень важный момент, на котором мы остановимся более подробно, состоит в следующем. Для постсоветских государств Россия – это не просто один из игроков в регионе, наряду с Китаем, США, Турцией, Индией и другими странами. Специфика взаимоотношений России с постсоветскими государствами определяется, прежде всего, общим историческим прошлым, а главное – тем фактом, что РСФСР воспринималась до 1991 г. как ядро советской «империи». Соответственно, нынешняя Россия – это не просто один из пятнадцати осколков почившего в бозе СССР, но, в первую очередь, наследница бывшей «метрополии».

Надо сказать, что вопрос об имперском, колониальном характере власти в Советском Союзе остается дискуссионным. Среди отечественных ученых скорее доминирует мнение о принципиальной непохожести Советского Союза (а часто и дореволюционной России) на европейские колониальные империи [5]. Хотя в последние годы появилось достаточно много исследований, постепенно меняющих ситуацию в академической мейнстриме и сближающими его с теми представлениями, которые господствуют в западной социальной науке, где обычно проводятся прямые параллели (хотя с определенными оговорками) между российско-советской имперской историей и западной колонизацией. В качестве примера можно сослаться на влиятельную статью Дэвида Ч. Мура [6] и на работу Лоры Адамс [7].

На мой взгляд, установление «объективной» истины тут вряд ли возможно – едва ли мы сумеем однозначно, «раз и навсегда» решить, был ли Советский Союз империей, а Кавказ или Средняя Азия колониями этой империи. За каждой из двух точек зрения стоит свой набор аргументов, которым нельзя отказать в убедительности. Противники колониального взгляда на СССР указывают на последовательную политику по модернизации окраин, которая активно проводилась коммунистической элитой, на создание национальных регионов, воспитание национальной интеллигенции и управлеченческих кадров, на концепт «советский народ», куда включались все жители Советского Союза, на принципиально антиимперский и антиколониальный язык самоописания, который использовал СССР, на то, что русский центр жил зачастую беднее окраин и т.д. Однако их оппоненты могут с тем же основанием указать на политическое доминирование Москвы над этнически разнородным населением республик, на то, что советский модернизационный дискурс в отношении периферии мало чем отличался от осознания европейцами своей цивилизаторской миссии в колониях («русский народ как самый передовой по уровню культуры и экономического развития» был призван помочь более отсталым народам [8]), на то, что русский стал главным языком образования, науки, медиа и культуры в СССР, на то, что многие территории были присоединены к Советскому Союзу силой (Прибалтика, Закавказье).

Д. Мур в упомянутой выше статье для выхода из этого затруднения предлагает в качестве вернейшего критерия при определении колониальности/неколониальности системы смотреть на то, как она видится со стороны народов, входящих в состав того или иного государства (или находящихся в его орбите). По мнению британского исследователя, «с точки зрения узбека, литовца или венгра» ситуация была определенно колониальной [9], а значит СССР был империей. Но можно ли признать удовлетворительным тот ход, который предлагает Мур? Думается, что опора на субъективные ощущения народов СССР дает нам, в конечном счете, не больше определенности, чем поиск объективных критериев колониальности. Оставив в стороне венгров, о которых пишет Мур, заметим, что восприятие советской власти со стороны «среднестатистического» литовца и узбека едва ли было одинаковыми – не случайно ведь Литва и, шире Прибалтика, с одной стороны, и Узбекистан (как и вся Средняя Азия), с другой, демонстрировали во время перестройки столь разное поведение: если Литовская ССР была первой среди союзных республик, объявившей о своей независимости, то в Средней Азии не было

ничего похожего на мощные национальные движения. Казахстан так и вовсе принял свою декларацию о независимости лишь 16 декабря 1991 г. – на полгода позже РСФСР. По-разному советская система виделась на Западе и Востоке Украины, по-разному воспринималась депортированным в Казахстан чеченцем и русскоговорящим казахом из Алма-Аты, всерьез верявшим в официальный постулат о дружбе советских народов. Восприятие ситуации вообще редко бывает черно-белым: «в реальности мы можем обнаружить своеобразное “гибридное общество”, в котором “сопротивление” и “ляяльность”, чувства “отчужденности” и “принадлежности” сосуществуют и переплетаются, проявляясь ситуационно» [10].

Поэтому вместо того, чтобы занять какую-то одну сторону в этой дискуссии, рисковавшей стать бесконечной (тем более что в нее часто привносятся чисто политические резоны), гораздо продуктивнее, на наш взгляд, пойти по пути, который предлагает коллектив авторов, объединившихся вокруг журнала «*Ab imperio*». Эти исследователи, позиционирующие свое научное направление как «новая имперская история», предлагают вместо поиска четких, «объективных» критериев империи говорить об «имперской ситуации», которую можно обнаружить в тех или иных случаях, в том числе и в советском периоде [11]. Другими словами, борьбу с басмачеством, которое имело существенную низовую поддержку, или искоренение исламской системы образования в Средней Азии можно вполне трактовать как проявление той самой имперской ситуации, тогда как в ряде других случаев данная аналитическая рамка оказывается контрпродуктивной. Скажем, принятие большевиками в 1917 г. Декларации прав народов России с «правом на свободное самоопределение вплоть до отделения» или развернутое в первые десятилетия советской власти национально-государственное строительство (создание национальных республик, автономий и т.д.) явно не укладывается в чисто колониальную модель отношений центра и периферии. Таким образом, вместо жесткого противопоставления имперского и неимперского мы можем анализировать конкретные ситуации, тенденции, векторы развития. Это дает более сложную и неоднозначную картину, которая позволяет, в конечном счете, примирить обе точки зрения и дать на выходе какой-то продуктивный синтез, исключающий крайности с обеих сторон. Например, мы можем обсуждать, были ли имперские, колониальные тренды и ситуации в СССР доминирующими или же они оставались скорее маргинальными.

Тем не менее, независимо от нашей оценки советского прошлого, в контексте нашего разговора о «мягкой силе» в первую очередь важен тот факт, что мы в любом случае имеем на постсоветском пространстве ситуацию, близкую к постимперской: Россия позиционирует себя в качестве правопреемницы СССР, в то время как само постсоветское пространство образуют государства, часть из которых получила независимость в 1991 г., преодолевая сопротивление центра, под давлением национальных движений и народных протестов; день независимости, который отмечают страны бывшего Союза, так или иначе воспринимается там, пусть даже имплицитно, как независимость от России. Все это создает на постсоветском пространстве, по сути, те же линии напряжения, которые существуют или существовали в отношениях европейских стран со своими бывшими колониями. И, разумеется, постимперская ситуация содержит в себе немало сложностей для реализации «мягкой силы». Так, большинство новых независимых государств стремятся утвердить новую идентичность на оппозиции к имперскому прошлому, трактуют его исключительно в черных тонах, стремятся вытеснить из символического пространства все, связанное с бывшей метрополией (это может проявляться в сносе памятников, переименовании улиц, в отмене старых праздников и пр.). Особенно это характерно для государств на первом этапе после обретения своей независимости.

Жесткая критика советского прошлого (а часто и всего периода нахождения той или иной страны в состав России/СССР) не может не быть частью национального нарратива в новых независимых государствах, ведь это главный способ легитимировать полученную в 1991 г. независимость. Сама же независимость, которая обычно представляется реализацией столетних чаяний народа, видится главной ценностью. Защищать ее необходимо, прежде всего, от бывшей метрополии, которая не может не вынашивать реваншистских намерений. Отсюда – настороженное отношение постсоветских элит к любым проектам реинтеграции с Россией, которые заранее клеймятся национально настроенными политиками как «новый русский имперализм», отсюда рестриктивные меры в отношении русского языка, который рассматривается как колониальное наследие и препятствие для полноценного нациестроительства. Все это осложняется отношением Москвы к странам «ближнего зарубежья», которые по-прежнему рассматриваются (даже если это и не проговаривается вслух) как не совсем полноценные политики, как сфера безраздельного и законного доминирования

России. Часто от российских политиков можно услышать весьма неоднозначные заявления в отношении стран бывшего СССР – вспомним, какую негативную реакцию в Казахстане вызвало высказывание В. Путина о том, что у казахов до Н. Назарбаева никогда не было своей государственности, не говоря уже о резонансе от слов В. Жириновского о том, что «счастливую жизнь в Средней Азии построили мы, иначе они так бы и ездили на ишаках и верблюдах, жили в пустыне» [12].

С подобными же проблемами в отношении со своими бывшими владениями сталкивались и европейские государства после деколонизации – например, в Индии сразу после 1947 г. были популярны разговоры об отказе от английского языка, как ненужного в новых условиях независимого существования, а алжирское общество до сих пор не может до конца простить Франции кровавую войну за независимость. Но на постсоветском пространстве ситуация усугубляется еще тем, что вчерашняя метрополия и колонии не разбросаны по миру и не разделены морями и океанами – страны бывшего СССР находятся рядом, часто имеют общие границы, совместную инфраструктуру (типа газо- и нефтепроводов, идущих из России в Европу через Украину и Беларусь), сохраняется зависимость части «ближнего зарубежья» от поставок российских энергоносителей. Кроме того, Россия абсолютно доминирует среди бывших союзных республик не только в пространственном, географическом, но и в демографическом, военном и экономическом отношении (например, в 1999 г. на Россию приходилось 89% населения стран бывшего СССР, 57% численности вооруженных сил и более 90% военных расходов [13]). Такая моноцентричность постсоветского пространства не может не усиливать страхи остальных государств перед бывшей метрополией. Не удивительно поэтому, что Россия выступает для местных элит скорее в качестве «объекта отталкивания», нежели в качестве «центра притяжения» [14]. В этой ситуации рассуждения о формировании «позитивного образа» России или опоре на другие ресурсы «мягкой силы» кажутся как будто не совсем актуальными.

Так может быть действительно не стоит оперировать понятием «мягкая сила», описывая взаимоотношения России с постсоветскими государствами, а правильнее заявить, вслед за некоторыми экспертами, что все разговоры о «мягкой силе» – это не более чем дань академической моде, и России стоит использовать привычные ей ресурсы «жесткой силы» [15]? На наш взгляд, полный отказ России от инструментария «мягкой силы» на постсоветском пространстве был бы все же ошибкой. Держа в уме те ограничения, которые заставляют в какой-то степени

уточнить, пересмотреть возможности его применения в отношении действий России в «ближнем зарубежье», стоит признать, что сам по себе потенциал «мягкой силы», т.е. возможность использования нематериальных ресурсов для достижения своих внешнеполитических целей, у России все-таки есть.

Да, современная Россия не может предложить постсоветским государствам какой-то набор привлекательных политических ценностей, однако в ее распоряжении по-прежнему остается такой важный ресурс как культура и язык – практически на всем постсоветском пространстве российская массовая культура (от сериалов и ток-шоу до поп-музыки и беллетристики) имеет достаточно большую популярность, многие люди продолжают смотреть российское телевидение, читать газеты на русском языке и выходить в русскоязычный сегмент интернета. В ряде постсоветских государств продолжает изучаться русский язык (причем нередко представители титульных национальностей стремятся отдать своих детей именно в русскоязычные школы или классы), русскоязычной остается значительная часть вузовского обучения (в Беларуси, Киргизии, Казахстане, Таджикистане) [16]. Россия, наряду с Великобританией, США, Канадой и Германией, является наиболее популярной страной для обучения по действующей в Казахстане президентской стипендиальной программе «Болашак». Русский язык продолжает активно применяться в деловой сфере – еще несколько лет назад в двух крупнейших городах Узбекистана, в Ташкенте и Самарканде, около 80% городского населения активно использовало русский язык на работе [17]. А что это, как не ресурс Российской «мягкой силы»?

Стоит также отметить, что постимперская ситуация, о которой шла речь выше, порождает не только взаимное отталкивание бывшей метрополии и колоний, но также и взаимное притяжение, которое основывается на отсутствии языкового барьера, на сохранении экономических связей, на проторенных направлениях трудовой миграции из периферии в центр. Кстати в отношении со странами Центральной Азии миграция является важным фактором, обеспечивающим реинтеграцию этих государств с Россией после 1991 г. – речь идет о частичном восстановлении транспортного сообщения между Россией и среднеазиатскими государствами, почти полностью разрушенного вследствие распада Советского Союза [18], о росте в этом регионе интереса к русскоязычному образованию (владеющему русским языком мигранту естественно легче адаптироваться в России), наконец, о вступлении в ЕАЭС Киргизии, которое не в последнюю очередь

диктовалось целью облегчить своим гражданам свободный доступ на российский рынок рабочей силы. Мы видим, как объективная заинтересованность ряда постсоветских государств в доступе их граждан на российский рынок труда вовлекает их в орбиту российского влияния (если Таджикистан все-таки вступит в ЕАЭС, то главной причиной будет именно трудовая миграция) или, по крайней мере, мешает окончательно испортить отношения с Россией (не случайно, разговоры о введении виз между Россией и Украиной пока так и остаются разговорами). Конечно, фактор миграции не может рассматриваться как чистый пример «мягкой силы», но, во всяком случае, это пример непрямого воздействия на постсоветские государства, который не укладывается в простую логику давления с помощью «кнута и пряника» и который порой оказывается единственным даже в отношении жестких авторитарий Центральной Азии, плохо восприимчивых к инструментарию «мягкой силы».

Кроме того, сама по себе ситуация постимперского существования вовсе не блокирует раз и навсегда возможности нормальных взаимоотношений между вчерашней метрополией и ее колониями и не препятствует использованию первой своей «мягкой силы». Об этом говорит хотя бы история таких организаций как Содружество наций, существующей под эгидой Британии, или Международной организации Франкофонии. В Содружество, которое было создано с целью удержать бывшие колонии в сфере британского влияния, входит сегодня 54 государства, в которых проживает 1,5 млрд. человек. В Британии ежегодно проходят обучение несколько тысяч граждан Содружества, в рамках организации выделяются гранты на науку и образование, проводятся спортивные соревнования, организуются культурные форумы, раз в четыре года проходят спортивные Игры Содружества, также периодически происходят консультации с участием руководителей государств, входящих в Содружество (ежегодные встречи министров финансов, здравоохранения, образования и т.д.). Что касается Международной организации Франкофонии, членами которой являются сегодня 58 стран, то этот случай показателен тем, что инициатива ее создания во многом исходила не от французов, а от представителей бывших колоний – в частности, большую активность проявили представители африканских элит: президент Сенегала Леопольд Сенгор, президент Нигера Амани Диори и президент Туниса Хабиб Бургиба, которые не желали полного разрыва с Францией и стремились сохранить с ней «особые отношения». Основой, на которой базируется Франкофония, является лояльность в отношении

французского языка и культуры. Система Франкофонии включает в себя как государственные (Служба по делам Франкофонии при МИДе Франции, Министерство культуры и коммуникации Франции, которое отвечает за некоторые программы сотрудничества в рамках Франкофонии: Международный день франкофонии, Неделя французского языка), так и неправительственные организации (Международная ассамблея франкоговорящих парламентариев, Международная ассоциация франкофонных мэров, Конференция женщин Франкофонии, Франкофонный деловой форум, Ассоциация франкофонных послов и пр.). Медийную поддержку франкофонному сообществу оказывает глобальный телевизионный канал TV5, который вещает на пяти континентах. При этом Франкофония остается не только чисто культурной организацией, но и одним из инструментов влияния Франции в Африке – она тесно сотрудничает с ООН и Африканским союзом по ряду региональных проблем, кроме того, регулярно проводятся конференции министров экономики и финансов стран Франкофонии. Периодически – как это было в Мали или в ЦАР зимой 2013 г. – Франция берет на себя руководство военными операциями в своих бывших колониях.

Таким образом, общее имперское прошлое не мешает сегодня всем этим государствам сотрудничать в разных сферах, и метрополии располагают значительными ресурсами «мягкой силы» в бывших колониях (в первую очередь, благодаря языку и культуре). Но, конечно, для этого нужно, чтобы желание сотрудничать шло с обеих сторон – с одной стороны, принципиально важно, что бывшие европейские метрополии научились взаимодействовать с бывшими колониями на равных, уважать их суверенитет, чего зачастую не хватает российской эlite в «ближнем зарубежье», с другой стороны, вступая во Франкофонию, африканские лидеры сумели сделать чисто прагматичный выбор, не отбрасывая французский язык как орудие колониального угнетения, но рассматривая его как международный язык коммуникаций, как окно в мировую культуру [19]. Здесь весьма заманчиво попробовать провести параллели и представить евразийское пространство как пространство русофонии, ведь русский язык для многих жителей бывшего СССР по-прежнему остается языком культуры, науки, образования и общения, да и вообще русский по-прежнему сохраняет статус одного из мировых языков, на котором по разным оценкам говорят до 200 млн. человек. Однако реализации этого проекта препятствует как подозрительное отношение к русскому языку со стороны постсоветских элит, так и использование языкового вопроса

Россией в своих политических целях (самым очевидным примером чего являются события в Крыму и на востоке Украины).

Наконец, важно отметить также, что постколониальная ситуация воспринимается в различных государствах бывшего СССР с совершенно разной степенью драматизма. Одно положение вещей можно наблюдать в Латвии, где важным «местом памяти» стал Музей оккупации 1940–1991 гг. и где на официальном уровне отмечается День памяти жертв коммунистического геноцида; другое – в Казахстане, где идут серьезные дебаты о том, какие последствия имела его инкорпорация в состав России и где обвинения в принудительной русификации казахов и других имперских грехах сочетаются с признанием модернизационного значения советского периода (создания массового образования, современной промышленности и пр.) [20]; наконец, третья ситуация характерна для Беларуси, Таджикистана, Армении и Киргизии, где постколониальный дискурс фактически является маргинальным. В нынешней Беларуси даже официальная символика позаимствована из советского прошлого (несколько измененные герб и флаг БССР), а День независимости страны приурочен не к дате принятия декларации о независимости от СССР, а к дню освобождения Минска от гитлеровских войск; в Таджикистане пребывание в составе России/СССР рассматривается не с точки зрения оккупации или подавления, а наоборот – с точки зрения защиты таджикского языка, культуры и создания национальной государственности (в форме союзной республики); в современной историографии Киргизии «большое внимание уделяется тому обстоятельству, что кыргызы сами искали покровительства России» в XVIII–XIX вв. [21]; аналогичным образом в исторической памяти армянского общества образ христианской России связан не столько с какими-то негативными воспоминаниями, сколько с идеей многовекового противостояния общему врагу (исламскому, тюркскому миру).

Вообще в высшей степени любопытно, что Центральная Азия – та часть постсоветского пространства, в отношении которой едва ли не чаще всего используется «постколониальная» аналитическая рамка (поскольку к 1917 г. это была наиболее отсталая часть Российской империи, здесь проводились массовые кампании по борьбе с исламом, по искоренению «отсталых» обычая и традиций вроде ношения паранджи, здесь в советское время была закреплена хлопковая монокультура в интересах центра и т.д.) – менее остальных регионов бывшего СССР склонна сама описывать себя в таких категориях. Как отмечает известный

российский специалист по Центральной Азии, «значительная, если не подавляющая часть среднеазиатского общества не мыслила и сегодня не мыслит себя в качестве «(пост)колониальной [22]». Как показывают опросы общественного мнения, жители Центральной Азии в основном положительно оценивают большинство событий советского периода и скорее не одобряют распад СССР [23], и сегодня Россия воспринимается здесь как дружественная страна (число респондентов, позитивно оценивающих влияние России на Таджикистан, превышает 90%); Россия рассматривается как передовое, развитое и могущественное государство (почти 60% таджиков полагают, что в нынешней России сложилась самая лучшая в мире политическая система, почти 40% уверены, что у России еще и лучшая в мире экономика [23]). В Узбекистане среди тех, кто хотел бы уехать в другую страну на постоянное жительство, почти половина опрошенных выбрало бы Россию, еще большее число узбекистанцев рассматривают ее как привлекательную страну для трудовой миграции [24]. В сознании жителей Кыргызстана и Таджикистана в силу сложного отношения этих государств с соседями и слабости собственных вооруженных сил важное место занимает образ России как гаранта безопасности и суверенитета.

Получается, что в случае Центральной Азии общее прошлое не препятствует, а напротив – благоприятствует взаимодействию между Россией и постсоветскими государствами – Россия в исторической памяти жителей Центральной Азии предстает скорее не как угнетатель и колонизатор, а как модернизатор местных обществ. Именно постимперская ситуация, как отмечалось выше, позволила уже в конце 1990-х гг. сложиться активным миграционным потокам из Центральной Азии в Россию, благодаря ей же в Центральной Азии продолжают во многом воспроизводиться прежние советские представления о Москве как о центре богатства и власти (вспомним как во время андижанских событий 2005 г. в Узбекистане восставшие в какой-то момент обратились именно к российскому руководству с просьбой о помощи), благодаря советскому прошлому в Центральной Азии сохраняется отношение к русской культуре как к высокой, цивилизующей, а к русскому языку как к престижному языку обучения.

Таким образом, сама по себе постимперская ситуация еще не означает бессмыслинности всех попыток использования Россией «мягкой силы» в отношении бывшей советской периферии, и в целом ряде государств (Армения, Беларусь, Молдова, Киргизия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан) уже сейчас существуют

все возможности для выстраивания (или закрепления) позитивного образа России. Разумеется, остаются постсоветские государства, где сделать это в настоящее время будет крайне сложно или даже невозможно, а потому одной из задач российских акторов «мягкой силы» является определение приоритетных для себя направлений (сегодня организационная сеть Россотрудничества и Фонда «Русский мир», как представляется, создается совершенно бессистемно).

Подводя итоги, можно отметить, что нами была проведена верификация понятия «мягкая сила» применительно к ситуации взаимодействия России с постсоветскими государствами. Был сделан вывод о том, что указанная ситуация накладывает определенные ограничения на возможности реализации Россией своего потенциала “soft power”, однако она не требует полного отказа от данного инструментария, поскольку в распоряжении России существуют ресурсы, которые могут быть включены в концепт «мягкая сила» и которые могут применяться (хотя и с разной степенью эффективности) в отношении государств бывшего СССР. Говоря о «мягкой силе», надо отдавать себе отчет в том, что это далеко не панацея, и ни одно государство в мире не может продвигать свои интересы, основываясь лишь на собственном позитивном образе или притягательности своей культуры. Это прекрасно понимает, в первую очередь, и сам создатель данной концепции Дж. Най, который справедливо указывал, что любовь северокорейского диктатора Ким Чен Ира к голливудским фильмам вовсе не делает его проамериканским лидером и не мешает ему разрабатывать свою ядерную программу в пику США [25], также как популярность американской поп-культуры среди молодежи вполне может сочетаться с явным неприятием американской внешней политики [26]. Именно поэтому Най и ввел понятие «умной силы» (“smart power”), как оптимального сочетания «жестких» и «мягких» инструментов внешней политики. Каким образом Россия сможет найти это оптимальное сочетание, как она может увеличить свой потенциал «мягкой силы» – это предмет отдельного исследования, нам было важно показать лишь то, что работа в этом направлении обязательно должна вестись. Потому что время, когда мощь державы определялась исключительно количеством хорошо обученных солдат или современных танков и самолетов, к счастью, безвозвратно ушла в прошлое.

2 Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия

В принятой в 2013 г. Концепции внешней политики РФ о «мягкой силе» впервые говорится как о неотъемлемой части современных международных отношений; еще ранее был создан ряд институций, призванных обеспечивать реализацию российской «мягкой силы» – прежде всего, это федеральное агентство Россотрудничество, Фонд им. А.М. Горчакова и фонд «Русский мир»; активная проработка концепта «мягкой силы» идет также на уровне российского академического и экспертного сообщества. Тем не менее, в этой теме до сих пор сохраняются многочисленные лакуны, которые ждут еще своих исследователей. В частности, довольно мало у нас пишут о чисто прикладных аспектах «мягкой силы»: что должна представлять собой российская «soft power» в ее практическом воплощении? каким образом работают структуры, созданные для ее продвижения? есть ли здесь у России конкурентные преимущества в сравнении с другими странами? как необходимо выстраивать стратегию российской «мягкой силы» в конкретных регионах мира? В работе мы попытаемся восполнить этот пробел, рассматривая обозначенный круг вопросов применительно к постсоветской Центральной Азии.

Не секрет, что этот регион чрезвычайно важен для России – он является, по сути, единственной частью постсоветского пространства, где обнаруживаются активные процессы реинтеграции бывших союзных республик с Россией (в формате ОДКБ, ЕАЭС), с центральноазиатскими государствами мы связаны сотрудничеством в энергетике, в сфере безопасности, борьбы с терроризмом и т.д. Вместе с тем в последние годы Россия испытывает в Центральной Азии все возрастающую конкуренцию за влияние со стороны ряда других государств. Оказалось, что Россия – далеко не единственная сила, способная быть важным игроком в регионе, несмотря на уверенность в обратном многих политиков в Москве сразу после распада СССР. Даже в тех странах, которые считаются наиболее близкими к России (например, Казахстан), элиты сознательно проводят многовекторную внешнюю политику, что делает невозможным безраздельное российское доминирование в Центральной Азии. Поэтому мы решили, что помимо исследования ресурсов и инструментов российской «мягкой силы» в Центральной Азии целесообразно было бы проанализировать также стратегии «soft power», которые используют в регионе

другие международные игроки. Рассмотреть всех акторов, действующих в Центральной Азии, не позволяет формат исследования, а потому мы сосредоточимся на США, Китае и Индии. Каждое из трех выбранных государств интересно по-своему: США как ведущая мировая держава, которая развила серьезную активность в регионе после событий 11 сентября 2001 г. и начала военной операции против талибов; Китай как экономический гигант, осуществляющий в Центральной Азии масштабные инвестиции, рекордными темпами увеличивающий свой товарооборот со всеми пятью государствами региона; Индия как растущая сила, не так давно заявившая себя в Центральной Азии в качестве серьезного игрока. Все три страны располагают значительным потенциалом «гибкой власти» и стараются использовать его в своих интересах. Любопытно было бы сравнить их стратегии непрямого влияния с российской и попытаться в этом контексте оценить перспективы нашей «мягкой силы» в Центральной Азии в обозримом будущем.

2.1 Россия – инерция советской «мягкой силы»

Начать хотелось бы с вопроса о том, какие ресурсы «мягкой силы» есть сегодня в распоряжении России на постсоветском пространстве. Существует мнение, что Россия таких не имеет вовсе, а потому ей лучше опираться в своей внешней политике на другие инструменты [27]. На первый взгляд, данное утверждение не лишено своих резонов. Например, совершенно очевидно отсутствие у России такой составляющей «мягкой силы» как ценности, политические идеалы, которые она могла бы транслировать другим государствам. Вряд ли в нашем случае можно говорить и об успешном национальном брендинге – ни по одному из шести показателей, предлагаемых Саймоном Анхольтом [28], Россия не находится на вершине мировых рейтингов. Исключение составляет разве что наше культурное наследие. Так может быть закономерно, что Россия предпочитает использовать на постсоветском пространстве исключительно «жесткую силу»?

Выше мы уже отмечали, что, на наш взгляд, потенциал у российской «мягкой силы» все же есть, правда, он распределен по постсоветским государствам весьма неоднородно, возрастая, как точно было сказано, «при движении с Запада на Восток Центральной Евразии» [29]. Иначе говоря, в странах Балтии он явно невысок, зато в центральноазиатских государствах достигает своего пика. И именно Центральная Азия кажется наиболее перспективной территорией с точки зрения использования российской «мягкой силы». В этом регионе мы имеем набор большинства элементов

«мягкой силы» – положительный имидж страны, желание выучить язык, активное проникновение российской культуры и т.д. Наконец, Россия остается главным центром миграционного притяжения для жителей региона, а также достаточно привлекательной страной для получения высшего образования. В чем-то возможности для использования российской «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии, судя по всему, пока даже превышают потенциал «soft power», имеющийся в распоряжении США, Китая, Турции и других игроков в этом регионе.

Проблема, однако, состоит в том, что российская «мягкая сила» основана почти целиком на ресурсе прошлого, а не на достижениях настоящего: широкое распространение русского языка в регионе, уважительное отношение к русской культуре, привычка населения ориентироваться на Россию как на бывшую «метрополию» в своих миграционных и образовательных стратегиях – все эти факторы, создающие потенциал российской «мягкой силы» сегодня, родом из советской эпохи, а значит, они имеют инерционный, остаточный характер. Советское наследие не вечно, и уже сейчас наблюдатели отмечают падение интереса к изучению русского языка среди центральноазиатской молодежи одновременно с ростом популярности английского, китайского и турецкого языков. Поэтому России крайне важно иметь четкую стратегию в области «мягкой силы» в Центральной Азии, иначе мы рискуем в обозримой перспективе растерять большинство имеющихся в нашем распоряжении культурно-символических ресурсов. Здесь самое время поговорить о том, есть ли у России такая стратегия, и как мы сегодня используем свой потенциал «мягкой силы».

Для того чтобы понять, как Россия использует свои ресурсы «мягкой силы» и что вообще такое «мягкая сила» в представлении отечественного политического класса, мы проанализируем работу трех институций – фонда «Русский мир» (создан в 2007 г.), Россотрудничества (создано в 2008 г.) и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (создан в 2010 г.). Именно данные структуры являются наиболее важными игроками на этом поле со стороны России.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что и Россотрудничество, и «Русский мир» в своей деятельности делают явный акцент на работе с «соотечественниками за рубежом», что вряд ли можно признать удачным решением. Дело в том, что сама категория «соотечественники за рубежом», возникшая в ходе распада СССР, представляется весьма проблематичной. Применительно к постсоветскому пространству в нее в широком смысле обычно включают всех

русских, оказавшихся после 1991 г. за пределами РСФСР. Этих людей нередко рассматривают как опору российского влияния за рубежом, как часть пресловутого «русского мира», который якобы представляет собой единую «культурно-цивилизационную» общность. Типичный пример такого подхода – рассуждения бывшего директора Департамента МИД РФ по работе с соотечественниками за рубежом А. Чепурина о пятнадцатимиллионной «российской диаспоре» в странах СНГ и Балтии, члены которой должны способствовать «продвижению российских интересов и развитию связей с Россией в различных областях» [30].

Но проблема состоит в том, что, во-первых, идентичность и жизненные устремления русских в «ближнем зарубежье» в реальности вовсе не обязательно связаны исключительно с Россией. Многие из них не только не собираются уезжать из новых независимых государств для «воссоединения» с соотечественниками в России, но напротив – ощущают себя вполне органичной частью местного сообщества и считают своей родиной ту страну, в которой они живут в настоящее время. Например, в Казахстане в последние годы многие русские специально определяют своих детей в казахоязычные детские сады, чтобы те могли социализироваться в соответствующей языковой среде и стать полноценными билингвами. Интересно, что одной из распространенных стратегий русских в «ближнем зарубежье» стало совмещение двух идентичностей («казахстанский русский») или акцент на региональной идентичности, которая «позволяет избежать трудностей выбора» между Россией и новой родиной (например, вариант «калматинский русский») [31]. Получается, что в концепт «разделенной русской нации» изначально заложено спорное представление о лояльностях людей, которые далеко не всегда видят себя частью «российской диаспоры» и вовсе не считают, что их долг – «продвигать российские интересы».

Во-вторых, сознательный упор на работу с «соотечественниками» мешает российским акторам «мягкой силы» адресовать свою деятельность более широким категориям населения постсоветских государств. Россотрудничество стремится, прежде всего, развивать сеть Российских центров науки и культуры (РЦНК) за рубежом, которые должны являться местом приобщения всех желающих к русской культуре – там можно почитать книги на русском языке, посмотреть фильмы, принять участие в концертах и т.д. Похожим образом действует фонд «Русский мир», формируя сеть Русских центров и Кабинетов Русского мира, которые по своему функционалу схожи с деятельностью РЦНК. Также фонд регулярно проводит

под своей эгидой Педагогический форум и Ассамблеи Русского мира. Во всех этих проектах очевидна ориентация не на работу с казахстанским, узбекским, таджикским и другими обществами в целом или с различными социальными группами (молодежью, гражданскими активистами, представителями политических, культурных и деловых элит), а узкая направленность на тот самый «русский мир». В то время как американские НПО работают на постсоветском пространстве с самыми разными сегментами гражданского общества, реализуя многочисленные проекты от бизнес-тренингов до мониторинга выборов и программ в области здравоохранения, открывая информационно-образовательные центры «EducationUSA» и т.д., Россотрудничество отмечает юбилей М. Булгакова в Бишкеке, а «Русский мир» проводит мероприятие под названием «Вечные ценности русской литературы». Конечно, и вечер памяти Булгакова, и разговор о русской литературе – вещи важные и интересные, но какую отдачу они дают с точки зрения продвижения российской «мягкой силы»? Как они помогают формировать благоприятное общественное мнение о России в «ближнем зарубежье»?

Но недостатки российской «мягкой силы» связаны не только с неверно выбранной целевой группой. Проблема еще и в том, что наша «soft power» начисто лишена креатива, ее акторы действуют шаблонно, по давно отработанным моделям, кажется, не сильно заботясь об их эффективности. В этом смысле удручающее впечатление производит знакомство с отчетом Россотрудничества о проделанной работе за 2015 г. [32]. Среди достижений за указанный период там обозначено «расширение российского гуманитарного присутствия за рубежом», которое выражается в открытии еще одного РЦНК в Румынии, получении согласия на открытие РЦНК в г. Кыргызстане, завершении строительства нового РЦНК в Кабуле и т.д. Иначе говоря, авторы документа рассуждают в чисто бюрократическом ключе: открыли еще один РЦНК, значит, расширили «российское гуманитарное присутствие». О критериях эффективности работы этих Центров не упоминается ни словом. По той же логике «продвижение российской науки, культуры и образования» выражается в том, что ряд наших вузов принял участие в нескольких образовательных выставках за рубежом.

Хотя справедливости ради надо заметить, что встречаются в документе и действительно значимые, не декларативные вещи, вроде оформления подписок и доставки в страны СНГ изданий по русскому языку и литературе или организации ознакомительных поездок в Россию «молодых представителей политических,

общественных, научных и деловых кругов иностранных государств». Но, опять же, обращает на себя внимание, что такие важные аспекты работы выполняются в удивительно малом объеме – скажем, по программе повышения квалификации преподавателей русского языка за 2015 г. в Россию приехало лишь 160 человек со всего постсоветского пространства [33]. Что же мешает активизировать это направление деятельности, тем более что во многих странах Центральной Азии главной причиной сужения ареала русского языка как раз и является банальная нехватка хороших преподавателей и недостаток качественной учебной литературы? Финансирование могло бы вестись в том числе и в рамках ФЦП «Русский язык», заказчиком которой выступает Россотрудничество вместе с Минобрнауки. Причем за первые пять лет (2011-2015 гг.) общий объем затрат на ФЦП превысил 2,5 млрд. руб. [34], но практических результатов от ее реализации пока не видно.

Заметим, что поддержка Россией различного рода образовательных, исследовательских и научных проектов на пространстве бывшего СССР и конкретно в Центральной Азии (грантов для ученых, программ студенческих обменов и т.д.) вообще могла бы стать одним из перспективных направлений реализации нашей «мягкой силы» в этом регионе. Во многих постсоветских государствах, испытывающих хронические проблемы с недофинансированием сферы науки и образования, такая деятельность помогла бы сформировать лояльную России интеллектуальную элиту.

Что касается еще одной известной институции – Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова – то общая философия ее работы мало чем отличается от деятельности Россотрудничества или «Русского мира». На сайте Фонда (<http://gorchakovfund.ru>) можно прочитать, что его «миссия... заключается в... содействии формированию благоприятного для России общественного, политического и делового климата за рубежом». Для этой цели фонд занимается, главным образом, распределением грантов среди некоммерческих организаций для проведения всякого рода круглых столов, семинаров, конференций и публичных лекций по внешнеполитической проблематике. Например, при поддержке фонда на протяжении нескольких лет проходит научно-образовательный форум «Кавказский диалог» или Школа молодых экспертов по Центральной Азии. Но со всеми этими мероприятиями такая же проблема, как и с Ассамблеями Русского мира или концертами в РЦНК – они могут быть очень содержательными и полезными для их участников, но они имеют, как правило, достаточно низкую эффективность с точки

зрения воздействия на общественное мнение в постсоветских государствах и формирования там позитивного имиджа России.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что ресурсы российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве обусловлены, главным образом, наследием советской эпохи. После 1991 г. для их развития и преумножения было сделано очень мало. Как отмечалось, существенным ограничением для продвижения российской «soft power» является заточенность ее акторов на работу с «соотечественниками», и смены вектора здесь пока не предвидится – принятая совсем недавно, в ноябре 2015 г., амбициозная концепция «Русской школы за рубежом», согласно которой за границей должны создаваться школы с преподаванием на русском языке, опять-таки ориентирована в первую очередь на «соотечественников», а не на всех желающих изучать русский язык [35].

Кроме того, проблема состоит в том, что в России по-прежнему нет систематической и комплексной работы со своей «мягкой силой», отсутствует долгосрочная стратегия ее развития. Возможно, одна из причин этого – двойственное отношение к «мягкой силе» среди российского истеблишмента. Хотя лица, принимающие решения, включая президента и главу МИД, активно оперируют этим понятием, хотя государство стремится использовать преимущества «мягкой силы», нанимая пиарщиков из американского агентства Ketchum для улучшения имиджа России или создавая телекомпанию Russia Today, все же в российском официальном дискурсе сохраняется весьма настороженное отношение к инструментарию «soft power», которая в отличие от привычной нам «жесткой силы» видится не совсем честным орудием в руках коллективного Запада и нередко сводится к «манипулированию общественным мнением и сознанием» и лицемерному использованию «правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства». Все взятые в кавычки фразы можно найти в Концепции внешней политики РФ [36]. Часто в этой же «охранительной» логике мыслит и экспертное сообщество [37]. Очевидно, что в российском политическом классе многие относятся к «мягкой силе» в лучшем случае как к третьестепенному орудию во внешнеполитической деятельности, которое можно, конечно, иметь в виду, но которое вряд ли стоит воспринимать всерьез, а в худшем случае – как к инструменту подготовки американцами «цветных революций» через разного рода структуры типа USAID и Freedom House. Все это мешает адекватному восприятию и проработке данной концепции, сильно обедняет

саму идею «мягкой силы», сводя ее к чисто манипулятивным технологиям и пропаганде.

Как говорилось выше, важная составляющая стратегии «мягкой силы» – это тот образ себя, который страна предлагает остальному миру. Но кризис политического самоопределения в постсоветской России мешает формированию такого образа – ни общество в целом, ни элиты не могут четко ответить на вопрос «кто мы?» и «в каком направлении мы хотим двигаться?». Проблемы с российской идентичностью естественным образом отражаются на эффективности работы проводников нашей «мягкой силы», которые часто просто не понимают, как им разговаривать с обществами «ближнего зарубежья», что им предлагать, как позиционировать современную Россию. В этой ситуации гораздо комфортнее продолжать малоперспективную работу с «соотечественниками», открывать очередные РЦНК, проводить бесконечные ассамблеи, конференции и форумы.

Наконец, еще один нюанс, о котором нельзя не сказать – это наше плохое знание местных реалий. Это может показаться странным – кому еще обладать всей полнотой информации о своем «ближнем зарубежье», как не России? Однако пренебрежительное отношение к постсоветскому пространству, которое можно выразить фразой «никуда они от нас не денутся», привело к тому, что в России фактически отсутствует целенаправленная подготовка специалистов как по постсоветскому пространству в целом, так и по отдельным его субрегионам (Центральная Азия, Южный Кавказ и т.д.); достаточно мало у нас и think tanks, «фабрик мысли», которые бы прицельно занимались государствами бывшего СССР и были способны производить качественную аналитику. Можно вспомнить, как после начала украинских событий вдруг обнаружилось, что у нас огромный дефицит по-настоящему серьезных экспертов по этой важнейшей стране СНГ. В конечном итоге эта ситуация оборачивается плохим знанием целевой аудитории, к которой призваны обращаться российские проводники «мягкой силы».

Обозначив, что представляет собой Россия в качестве актора «мягкой силы», перейдем теперь к анализу инструментов «soft power», которые используют наши конкуренты в Центральной Азии.

2.2 США: ставка на международное развитие

В первое десятилетие после распада СССР подход США к политике на постсоветском пространстве не отличался детальной проработкой взаимоотношений

с каждым государством. Предполагалось, что объединенные общим историческим прошлым, эти страны после коллапса СССР должны были столкнуться с похожими (если не идентичными) проблемами и кризисами неустойчивого развития. Бывшие страны Варшавского блока и союзные республики, таким образом, воспринимались коллективным реципиентом американских идей конкурентного экономического развития и демократических ценностей. А эволюция авторитарных режимов в контексте демократического транзита считалась вопросом времени.

Однако вскоре такие факторы политического процесса в Центральной Азии, как стремление политических элит к тотальной власти в духе восточного деспотизма при параллельных процессах государственной дезинтеграции, архаизации общественного сознания, религиозной радикализации и ксенофобии, наркоторговли и нелегальной иммиграции оказались ярким подтверждением того, что регион невозможно рассматривать исключительно в контексте его советского прошлого. В итоге, подход США стал более диверсифицированным.

Возрастающее значение Центральной Азии для США определяется новой ролью Евразийского континента в мировом процессе. Геополитическим центром континента оказываются центральноазиатские страны. В экономическом плане Центральная Азия привлекательна серьезными запасами полезных ископаемых (прежде всего, газа, нефти и урана) и как обширный рынок сбыта продукции, возможности которого еще не реализованы. Кроме того, США стремятся использовать транзитный потенциал центральноазиатских государств в послевоенном развитии Афганистана.

Ключевым инструментом по продвижению американского «мягкого обаяния» во всем мире является *Агентство по международному развитию (USAID)*, ведущее свою историю с 1961 года. В России, как и в других странах постсоветского пространства, USAID начало работать в 1992 году (с 2012 года деятельность организации на территории РФ прекращена).

Свою миссию агентство видит в реализации программ по развитию рыночной экономики, преодолению бедности, распространению и поддержке демократии, гуманитарной помощи и социальной поддержке, борьбе с гендерной дискриминацией. Организационно модель soft power США выглядит следующим образом. Бюджет будущих проектов формируют и представляют на одобрение Конгресса USAID совместно с Государственным департаментом США, также они совместно отчитываются о расходовании бюджета за год. Отчеты находятся в

открытом доступе. На официальном сайте USAID можно найти отчеты начиная с 1995 года. Через USAID распределяются денежные средства многочисленным НПО и прочим общественным институциям. Основными операторами грантов USAID также являются Американское агентство-грантодатель (NED), фонды Международного республиканского института (IRI) и Национальный демократический институт (NDI). Финансирование программ самой сильной структуры по распространению soft power в мире официально составляет около 10 млрд. долларов в год¹.

В настоящее время реализуется пятилетняя стратегия для Центральной Азии на период с 2015 по 2019 гг. На презентации в Алма-Ате в ноябре 2014 года было обозначено, что Стратегия предполагает решение базовых задач по трем направлениям: 1) развитие разноплановой и конкурентной торговли и рынков; 2) улучшение регионального сотрудничества в области использования общих энергетических и водных ресурсов; 3) внедрение более эффективных и инклюзивных институтов управления. Отсутствие понятия «демократический» в перечне базовых задач неслучайно. Администрация Барака Обамы в отношении стран Центральной Азии сознательно снижает накал критики недемократичности режимов, не столь активно апеллирует к правам человека. Содействие международному развитию выдвигается в качестве ключевой идеи взаимодействия США со странами Центральной Азии.

В рамках презентации Стратегии USAID в Центральной Азии также были озвучена официальная статистика помощи государствам Центральной Азии в период с 1992 по 2014 гг. Общая сумма помощи составила 2,2 миллиарда долларов, из нее по 30% получили Казахстан и Киргизия, 20% - Узбекистан, Таджикистан – 10%, Туркменистан – 5%. Остальные средства были израсходованы на специальные региональные программы [38].

По сведениям, размещенным на интерактивной карте проектов USAID в странах Центральной Азии в настоящее время реализуются 102 инициативы (Киргизия – 28, Таджикистан – 23, Казахстан – 20, Узбекистан – 17, Туркменистан – 14). Больше всего проектов реализуется в Киргизии. Тематическая направленность этих проектов представлена в Таблице 1.

---

¹ На финансирование программ USAID выделяется около 1% федерального бюджета США. Средний бюджет США за последние 5 лет составил 1 трлн. долларов. Следовательно, финансирование программ USAID в среднем составляет 10 млрд. долларов в год.

Таблица 1 -Проекты, реализуемые при поддержке USAID в Киргизии

Страна	Перечень реализуемых проектов
Киргизия	<ul style="list-style-type: none"> • Развитие Американского университета в Центральной Азии (АУЦА); • Программа по защите здоровья и увеличения рождаемости; • Программа поддержки выборов; • Программа развития аграрного предпринимательства в Киргизии; • Программа местного развития; • Управление переходными инициативами; • Программа по борьбе незаконной торговлей; • Программа по обсуждению проблем ВИЧ и туберкулеза; • Программа «Продовольствие ради мира» (поддержка незащищенных и маргинализированных слоев населения); • Программа по усилению парламентаризма в Киргизии; • Комплексная программа по охране здоровья матери и дитя; • Программа по защите прав человека; • Программа приграничного молодежного сотрудничества; • «Реформа»: проект экономических реформ; • Международный молодежный фонд «Создавай» (Jasa). Программа формирования социальной активности у молодежи; • Программа правового обеспечения гражданского общества; • Инициатива в области поддержки медиа; • Программа содействия развитию политических партий; • Программа развития демократии при помощи независимого профсоюзного движения; • Программа содействия энергетической безопасности, эффективности и торговле энергоресурсами; • Программа профилактики туберкулеза; • Программа по укреплению судебной системы Киргизстана; • Проект по улучшению качества здравоохранения; • Инициатива регионального трансграничного

	<p>сотрудничества по защите водных путей;</p> <ul style="list-style-type: none"> • Проект в защиту качественного образования; • Программа кредитования студентов; • «Требует исключения» (региональная программа); • Проект по защите детей в сложных жизненных условиях
--	--

Источник: Interactive Map USAID. A comprehensive portfolio of USAID projects from all international locations Access mode: <http://map.usaid.gov/?l=regional&w=ASIA>.

Похожие инициативы можно найти в других странах Центральной Азии.

Особую роль играют программы в образовательной сфере. К примеру, в Киргизии одной из ключевых программ является программа по развитию Американского университета в Центральной Азии (АУЦА), основанного в 1993 году. В настоящее время университет является одним из наиболее престижных образовательных учреждений Бишкека. Это первый университет в Центральной Азии, выдающий аккредитованные степени США в сфере гуманитарных наук. Цель работы АУЦА – «воспитание будущих лидеров для демократических преобразований в Центральной Азии». В Казахстане, в свою очередь, динамично развивается проект «Назарбаев-Университет», который создан с привлечение ведущих университетов США и ЕС. Российские вузы, к сожалению, не задействованы при создании нового вуза.

Однако об абсолютном доминировании США в Центральной Азии говорить все же не приходится. Влияние соседнего Китая и поднимающейся силы Индии способны стать препятствием на пути к распространению центральноазиатской версии «американской мечты».

2.3 Китай: культуроцентричный подход политического pragmatizma

Заинтересованность Китая в развитии взаимоотношений со странами региона носит стратегический характер. По последним данным Прогноза развития энергетики мира и России до 2040 года, «Китай, который в настоящее время сопоставим с США по объемам энергопотребления, к концу рассматриваемого периода станет крупнейшим рынком, более чем в два раза превышающим американский» [39]. Активно инвестируя в ресурсный потенциал региона,

финансируя строительство трубопроводной структуры, Китай стремится выстроить систему бесперебойных и рентабельных поставок энергоресурсов из Центральной Азии. Кроме того, Поднебесная, также, как и другие геополитические силы, заинтересована в Центральной Азии как в серьезном рынке сбыта продукции. В целом, китайское руководство нацелено на создание всех необходимых условий для экономического доминирования в регионе [40].

Однако, в последние 1,5 десятилетия китайский истеблишмент в не меньшей степени озабочен проблемой присутствия страны в символическом пространстве мировой культуры. Разрабатывается модель «мягкой силы» страны, соответствующей ее экономическому росту и военной мощи. Механизмы публичной дипломатии (*гунгунвайцяо*) и мягкой силы (*руан шили*) обозначены в качестве ключевых принципов концепции научного развития Компартии КНР: «Дипломатия для народа, все – во имя народа».

В рамках Министерства иностранных дел КНР функционирует Управление по делам публичной дипломатии, применяются важные инструменты коммуникационного влияния: модернизируются китайские СМИ (холдинги «Жэньминь Жибао» и Международное радио Китая, ИА «Синьхуа», телеканал CCTV9); регулярно организуются специальные информационные центры во время проведения мировых форумов (G20, АТЭС, саммиты ШОС, БРИКС и др.), проводятся информационные кампании в период крупных бизнес-форумов (выставки EXPO), а также спортивных мероприятий. К примеру, масштабную кампанию по продвижению позитивного имиджа страны в 2008 году во время XXIX летних Олимпийских игр в Пекине лично курировал член Политбюро ЦК КПК Лю Ци. В целом, организационно-содержательные вопросы стратегий китайского «мягкого обаяния» решаются в стране путем взаимодействия ключевых ведомств, таких как Государственный совет, Отдел международных связей ЦК КПК, Центральная партийная школа Центрального комитета КПК, МИД, Ханьбань (Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом), Стипендиальный Совет Китая.

Таким образом, централизация и исключение неправительственных структур из сферы принятия решений – отличительные черты китайской «руан шили». Каковы же ее основные инструменты? Из широко известной триады ресурсов «мягкой силы», предложенных Джозефом Найем, Китай, руководствуясь политическим pragmatismom, исключил политические ценности как своеобразное «слабое звено».

«Если «мягкая сила» США строится на том, что модель американского политического устройства имеет «всеобщий» характер, то Китай подчеркивает тезис о многообразии путей развития» [41].

Несмотря на то, что в КНР еще не принята отдельная официальная стратегия реализации «мягкой силы» в странах Центральной Азии, уже сейчас можно выделить два ключевых направления: это «сила культуры» и «силы мысли». Оба служат продвижению различных идей *миролюбия* китайского народа как одного из гарантов стабильности в мире. Идеи «мирного роста» и «мирного подъема», лежащие в основе внешнеполитического курса Китая, стали реакцией на различные варианты концепции китайской угрозы, которая весьма востребована в западной политической школе (в США, Германии, Франции). Американский политик Пол Вулфович и вовсе проводил аналогии между китайским ростом XXI века с ростом фашистской Германии в XX веке [42].

Китайский принцип «гармоничного мира» пока неоднозначно воспринимается и в странах Центральной Азии: на одной чаше весов оказываются возможные выгоды от реализации совместных проектов, на другой – опасения чрезмерного вмешательства могущественного соседа в региональную политику. Поэтому «первоначальной задачей руководства КНР остается ослабление антикитайских настроений в регионе» [43]. В то же время Китай и страны Центральной Азии связаны друг с другом транснациональными культурными связями таких этносов, как уйгуры, узбеки, казахи, таджики и др.

Культура страны, базирующаяся на морально-этических принципах конфуцианства, официально обозначается в качестве значимого элемента китайской «мягкой силы». Логичным продолжением подобной установки стало утверждение в 2011 году на шестом пленуме ЦК КПК стратегии «могущественного культурного государства». «Силу культуры» Китая в более чем 100 странах мира распространяет разветвленная сеть Институтов Конфуция, которая координируется в Пекине организацией Ханьбань. Сеть работает с 2004 года по аналогии с похожими международными культурно-образовательными проектами, Институтами Гете или Институтами Сервантеса. На постсоветском пространстве Институты Конфуция представлены в Украине, Беларуси, Армении, Азербайджане, Таджикистане; в Центральной Азии Институты Конфуция работают при крупных вузах Казахстана (4), Киргизии (4 института и 10 классов). В Узбекистане (2) и Таджикистане (1)

Институты Конфуция ведут деятельность при центральных национальных университетах.

С 2010 года в китайском городе Урумчи работает специальная база по распространению китайского языка в Центральной Азии. В целом Синьцзян-Уйгурский автономный район, административным центром которого является город Урумчи, играет ключевую роль в деле усиления культурного влияния Китая среди молодежи Центральной Азии.

Каждый год в Китай по линии Институтов Конфуция отправляется более сотни талантливых студентов из соседних республик. Также идет финансирование дополнительных программ по линии ШОС. В итоге десятки тысяч среднеазиатских студентов вовлечены в изучение языка и культуры Китая. В будущем – это квалифицированные специалисты для реализации совместных проектов. Только в Бишкекском гуманитарном университете более 2 тыс. студентов изучают китайский язык. В отношении богатого газом, но закрытого Туркменистана, также разработаны специальные программы, благодаря которым более 1,5 тысяч туркменских студентов уже обучаются в ведущих китайских институтах. Среди среднеазиатских студентов, получающих образование в Китае, наибольшее количество (7, 5 тысяч человек) приходится на Казахстан [44].

«Силу мысли» Китая обеспечивают стремительно развивающиеся think tanks – китайские «фабрики мысли». Среди наиболее влиятельных китайских think tanks, нацеленных на работу со среднеазиатскими государствами и участвующих в выстраивании внешней политики Китая, обладающей моральным авторитетом выделяются:

- *Китайский институт народной дипломатии* (Официальный сайт: <http://www.cpifa.org/>) является центральной коммуникационной платформой по развитию полуофициальных взаимоотношений с политиками и общественными деятелями из 120 стран мира, даже после их официальной отставки;

- *Академия общественных наук КНР* (АОНК. Официальный сайт: <http://cass.cssn.cn/>), в состав которой входит Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии. В этом институте находится одна из богатейших библиотек по центральноазиатской тематике. Последние годы Институт принимает деятельное участие в организации представительных мероприятий по проблемам развития Центральной Азии совместно с учеными, бизнесменами и представителями политической элиты этих стран;

- *Институт международных исследований Фуданьского университета* (Официальный сайт: <http://www.fudan.edu.cn/>), в рамках которого функционирует Центр изучения России и Центральной Азии;
- *Китайская академия современных международных отношений – КАСМО* (Официальный сайт: <http://www.cicir.ac.cn/chinese/>). При академии функционирует отдел изучения Центральной Азии, занимающийся всесторонним исследованием развития стран центрально-азиатского региона;
- *Шанхайская академия международных исследований – ШАМИ* (Официальный сайт: <http://www.siis.org.cn/>). Действующий при академии Центр России и Центральной Азии особое внимание уделяет проблемам внутренней и внешней политики стран Центральной Азии, а также интеграционным перспективам ШОС.

«Китайские «фабрики мысли» призваны пропагандировать «китайскую модель развития», особенно в развивающихся странах, как это делают крупнейшие аналитические центры США» [45]. Поэтому крупнейшие китайские think tanks динамично развиваются совместные исследовательские проекты с научными и образовательными центрами Центральной Азии.

Экспортируя «руан шили», Китай предпринял серьезную попытку разъяснить, почему путь «китайского социализма» успешен для развивающихся стран. Однако в борьбу за «мягкое обаяние» в такой трактовке вслед за Китаем все более явно вступает поднимающая «мягкую силу» Индия, самой большой по численности избирателей незападной демократии.

2.4 Индия: Центральная Азия как второе стратегическое кольцо

В отличие от США и Китая, Индия в силу стратегического партнерства с СССР имела возможность выстраивать взаимоотношения с республиками Центральной Азии еще в советские времена. Развивались культурные связи. К примеру, в Ташкенте находились типографии, производившие печатные материалы на индийских языках (главным образом, хинди и урду), многие переводчики индийских языков были родом из Узбекистана. Узбекистан продолжает оставаться важным центром изучения хинди и урду, регулярно проводятся совместные конференции двух стран, посвященные вопросам преподавания языков, развитию методик лингвистики.

После распада СССР Индия одной из первых выразила интерес к выстраиванию двусторонних отношений с каждым из пяти новообразованных государств, были подписаны документы о намерениях, в том числе в области культурного и научного диалога. Однако долгое время намерения так и оставались на бумаге. Действия Индии в регионе сужались до скромных попыток снизить активность экстремистских группировок в контексте индо-пакистанского противостояния и проблемы Кашмира.

Тем не менее, последнее десятилетие характеризуется заметными попытками Индии вовлечь Центральную Азию в орбиту своего влияния. Центральная Азия рассматривается не только с точки зрения исторической и культурной общности (которая насчитывает не одно столетие), но и с точки зрения экономики и безопасности. В основе явного желания Индии развивать центральноазиатский вектор политики лежат две принципиальные причины.

Первая причина ожидаемо связана с энергетическим фактором и возрастающими потребностями Индии в энергоресурсах... По прогнозам, к 2040 году «спрос на жидкое топливо во второй крупнейшей азиатской экономике... более чем удвоится» [46]. В целом, растущая индийская экономика остро нуждается в нефти и газе, до 70% поставок которых ранее шло из Персидского залива. Нестабильность в регионе заставила искать новых партнеров. Несмотря на проблемы с транспортными коммуникациями, в вопросе диверсификации поставок энергоресурсов индийское руководство рассчитывает именно на центральноазиатский регион [47]. В рамках политики энергетической безопасности крупнейшая индийская нефтегазовая корпорация ONGC в последнее десятилетие активно инвестировала в нефтяные месторождения Казахстана; для обеспечения бесперебойных поставок энергоресурсов из Центральной Азии индийские власти готовы инвестировать в проекты магистральных трубопроводов, в частности, в трубопровод Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия до 7,6 млрд. долларов (протяженность 1680 км) [48].

Вторая причина обусловлена геополитическими устремлениями Индии, выстраиваемыми в рамках Большой стратегии концентрических колец. В соответствии с ней интеракции с другими странами формируются в контексте привычных для индийской политики круговых орбит влияния [49]. В первом круге находятся соседние страны, где доминантные позиции Индии руководство страны видит незыблемыми. Второй круг определяется расширенным соседством, которое

не связано с географической трактовкой этого понятия. В зону расширенного соседства и влияния входят страны АТР и государства Центральной Азии. Третий круг определяет взаимоотношения Индии с мировым сообществом в качестве одного из полюсов принятий решений глобального уровня. В каждом из трех стратегических колец Индия готовится вступить в «битву за сердца людей». Как видно, Центральная Азия в этой схеме находится во втором стратегическом круге. В нем Индия чувствует себя все более уверено, стремится уравновесить влияние США, Китая, Ирана и Пакистана.

Пропагандируя принцип неучастия в военных блоках, Индия развивает собственный геополитический проект - Движение неприсоединения (объединяет 120 стран). При непосредственном содействии Индии членами организации стали Туркменистан и Узбекистан; Киргизия и Казахстан получили статус наблюдателей. Кроме того, в целях пресечения радикализации ислама в регионе особое внимание уделяется сотрудничеству с Таджикистаном.

Следует отметить, что обращение Индии к проблематике «мягкой силы» было связано со стремлением не отставать от того, что делали китайцы в области *«руан шили»*. Содержательный лейтмотив индийской «мягкой силы» необычен. С одной стороны, в пику Китаю Индия делает акцент на приверженность демократическому развитию. С другой, как и Китай, Индия не настаивает на необходимости разделять демократические ценности при выстраивании равноправного партнерства. Тем самым, индийский образ «благородного гегемона» универсализирует положительное восприятие страны государствами с разными политическими режимами. Одновременно, Индия собственным примером опровергает исключительность «китайского пути» как наиболее эффективного для развивающихся стран: демонстрирует, что демократический транзит вопреки расхожему мнению вовсе не исключает возможности экономического прорыва.

К основным институциональным ресурсам индийской «мягкой силы» относятся:

- Отдел по вопросам публичной дипломатии при МИД Индии, сформированный в 2006 году вслед за аналогичной структурой в КНР (Управлением по вопросам публичной дипломатии);
- Индийский совет по культурным отношениям при МИД Индии;
- Индийский совет по международным отношениям при МИД Индии;

- Отдел по делам зарубежья при МИД Индии (до 01 января 2016 года – отдельное министерство).

Наибольшую активность в странах Центральной Азии проявляет *Индийский совет по культурным отношениям (ICCR)*, деятельность которого официально направлена на популяризацию культуры, истории, искусства Индии. ICCR координирует функционирование сети культурных центров при Посольствах Индии (Центр индийской культуры имени Л.Б. Шастри в Ташкенте, Индийский культурный центр в Астане и др.). В последнее время Индия также стремится открывать аналогичные центры при университетах и библиотеках. Так, в Ташкенте в Университете Мировой экономики и дипломатии учреждена «индийская кафедра», в 2014 году открыт Индийский центр культуры при Национальной библиотеке Киргизии, которая была переоснащена и отремонтирована за счет индийской стороны. Центры индийской культуры выступают основными организаторами Дней индийской культуры в разных странах.

Для увеличения количества студентов из Центральной Азии ICCR разрабатывает новые стипендиальные программы, которые будут представлены в 2016-2017 гг. Пока же статистика выглядит более чем скромной, несмотря на то, что в рамках действующих программ среднеазиатские студенты имеют возможность учиться в 140 индийских вузах. К примеру, количество студентов из Таджикистана, прошедших обучение по программам ICCR в разные годы не превышало 32 человек [50]. Правда, помимо стипендиальной программы ICCR расширяются возможности Индийской программы технического и экономического сотрудничества (ITEC) по предоставлению иностранным гражданам различных программ повышения квалификации. Результаты ITEC, ориентированной на чиновников, в Таджикистане выше: ежегодно по программе проходит обучение не менее 150 государственных служащих.

И все же политика нынешнего руководства страны во главе с премьер-министром Нарендрай Моди подтверждает основательность индийских намерений в отношении Центральной Азии. Во время турне Моди по среднеазиатским государствам сразу после саммитов ШОС и БРИКС в Уфе в июле 2015 года были серьезно обновлены и усовершенствованы договора о сотрудничестве в гуманитарных сферах. В Узбекистане подписана Программа сотрудничества в культурной сфере на 2015-2017 гг. С Казахстаном, самым крупным торгово-экономическим партнером Индии в Центральной Азии (средний товарооборот –

более 1,3 млрд. долларов) Индия инициировала новую программу обмена молодежью с шестью казахстанскими университетами. В Ашхабаде был открыт Центр йоги, подписано соглашение о сотрудничестве в области культуры, искусства, молодежи и СМИ. С Президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым подписана Программа сотрудничества в области науки и технологий на 2015-2017 гг.

В деле продвижения культуры индийцы апеллируют к здоровому образу жизни и гармоничному развитию с помощью йоги. 12 декабря 2014 года по инициативе Нарендры Моди на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в рамках программы «Всемирное здоровье и зарубежная политика» была принята резолюция об объявлении 21 июня Международным днем йоги. В ней признается, что именно йога обеспечивает комплексный подход к здоровью и благополучию. В 2015 году Международный день йоги отмечался впервые. В Нью Дели в групповом занятии йогой приняли участие 36 тыс. человек во главе с Нарендрой Моди. Аналогичные акции прошли в крупнейших городах по всему миру. Не остались в стороне столичные мегаполисы центральной Азии. Групповые мастер-классы по занятию йогой и йога-шоу с демонстрацией сложных асан прошли в Бишкеке, Астане и Ташкенте.

Политический эксперт Шаши Тхарур полагает, что «в контексте «мягкой силы» Индия более не может рассчитывать на свои изначальные преимущества. Будь то продвижение туризма или культурная дипломатия <...>, невозможно на достаточном уровне представить потенциал страны исключительно усилиями официального Дели. Индийское руководство должно сосредоточится на построении усиленного государственно-частного партнерства для продвижения индийской культуры и перспектив развития за рубежом» [51]. Тем более, что подобный опыт у Индии есть: в продвижении национального туристического бренда *Incredible India* с 2000-х гг. активно участвовали индийские частные компании, крупные холдинги и ассоциации.

В проектах индийской «мягкой силы» в Центральной Азии ключевое значение, без сомнения, будет отводиться развитию медийных каналов. Являясь активно растущим сектором экономики, медийная индустрия Индии сконцентрирована в частных руках. Телеиндустрия Индии среди развивающихся стран демонстрирует один из самых высоких уровней роста, до 15% в год [52]. При этом особо востребованы индийские сериалы. К примеру, по данным компании TNS

в марте 2014 года самым популярным проектом телеканала «Казахстан» стал индийский телесериал «Келин», который смотрела треть телезрителей страны [53]. Без сомнения, главным медийным проводником индийской «мягкой силы» в Центральной Азии также является кинематограф. Шаши Тхарур «говорит об индийском кино как о полноценной широкоэкранной дипломатии». Образы Индии, транслируемые известным всему миру кинематографом, усвоившим приемы западного кинопроизводства, позволяют стремительно расширять влияние, о котором скоро можно будет говорить в категориях «индийской культурной экспансии» [54].

Итак, «битва за сердца людей» в Центральной Азии со стороны Индии только начата, но она весьма многообещающа. Очевидно, многие аспекты индийской внешней политики следующих десятилетий, в том числе и в отношении центральноазиатских государств, будут зависят от того, сможет ли страна найти правильный баланс между «силой аргумента» и «аргументом силы».

Таким образом, повышение значимости Центральной Азии на политической карте мира делает регион ареной развертывания конкурентной борьбы между государствами, стремящимися выступать здесь в качестве важных игроков, в том числе с помощью инструментов «мягкой силы».

Россия в условиях новой геополитической реальности оказывается в непростом положении: с одной стороны, уровень ее позитивного восприятия в глазах центральноазиатского населения остается достаточно высоким, с другой (при отсутствии внятной стратегии РФ в области «мягкой силы») у многих экспертов возникают опасения относительно прочности имеющегося у нас ресурса «гибкой власти». Приведенное сравнение политики России с реализующимися в Центральной Азии программами по развертыванию «мягкой силы» США, Китая и Индии позволяет сделать вывод об обоснованности подобного рода опасений. В то же время каждый из четырех акторов «мягкой силы» имеет как слабые, так и сильные стороны (см. Таблица 2), а потому исход борьбы за доминирование в Центральной Азии вовсе не является предрешенным.

Таблица 2 - SWOT-анализ стратегий «мягкой силы» России, США, Китая и Индии в Центральной Азии

	Россия	США	Китай	Индия
Основные ресурсы «мягкой силы» в регионе	<p>Распространенность русского языка, в т.ч. в сравнении с английским, китайским, хинди и пр.; многолетние исторические, экономические, политические связи России с государствами Центральной Азии; в целом позитивный образ России в регионе; значительное влияние российских медиа и массовой культуры; престижность русскоязычного образования и наличие значительного количества школ и вузов, где ведется обучение на русском языке (за исключением Туркменистана); ориентированность на Россию основного миграционного потока из Центральной Азии.</p>	<p>Статус США как ведущей мировой державы.</p> <p>Популярность во всем мире американской массовой культуры.</p> <p>Авторитет интеллектуального продукта, производимого американскими «фабриками мысли».</p> <p>Высокая престижность английского как языка международного общения, а также престижность образования в американских университетах или в рамках американских образовательных программ, реализующихся непосредственно в центральноазиатских республиках.</p>	<p>Растущая экономическая мощь Китая.</p> <p>Культуроцентричный подход: акцент на развитии программ «культурной дипломатии», совместных исследовательских проектов, студенческого и научного обмена, а также коммуникационных каналов, том числе в рамках модернизации китайских СМИ.</p> <p>Сознательный отказ от использования политических ценностей в качестве ресурса «мягкой силы».</p> <p>Использование Синьцзян-Уйгурского автономного округа (столица – г. Урумчи) в качестве базы распространения культурного влияния Китая на страны Центральной Азии</p>	<p>Широкое распространение английского языка.</p> <p>Бренд «крупнейшей демократии мира».</p> <p>Акцент на приверженность демократическому развитию без необходимости для государств-партнеров разделять демократические ценности. Формирование индийского образа «благородного гегемона» - ставка на универсализацию положительного восприятия страны государствами с разными политическими режимами.</p> <p>Использование наработок индийской киноиндустрии для формирования стратегий «культурной и широкоэкранной дипломатии».</p> <p>Предоставление в вузах и</p>

			Азии.	библиотеках более широкого доступа к индийской периодике. Проведение массовых акций в поддержку здорового образа жизни во время Международного дня йоги.
Сильные стороны используемых инструментов непрямого воздействия	В целом авторы достаточно критично оценивают российскую стратегию «мягкой силы» в регионе. В актив можно занести лишь большое внимание, которое уделяется русскому языку и русскоязычному образованию как факторам российском «мягкой силы» (имеется в виду осуществление ФЦП «Русский язык» с 2011 г. и принятие в 2015 г. концепции «Русская школа за рубежом»). Однако непосредственная реализация указанных программ нуждается в значительной корректировке.	Стратегия «мягкой силы» характеризуется выраженным стремлением США выстроить диверсифицированный подход к государствам Центральной Азии, не воспринимать их исключительно в контексте советского прошлого. Широкий спектр программ, связанных с развитием рыночной экономики, преодолением бедности, борьбой с гендерной дискриминацией, распространением институтов и ценностей демократии, а также оказанием гуманитарной помощи и социальной	Прагматичный подход, исключающий идеологический аспект и политические требования, признающий альтернативность путей развития, оставляет больший диапазон для маневрирования в совместных проектах, что особенно актуально для развивающихся стран Центральной Азии. Рост экономической зависимости от Китая государств Центральной Азии (рост взаимного товарооборота, китайских инвестиций в регион и пр.).	Позитивное восприятие индийской массовой культуры. Высокие рейтинги индийской кинопродукции. Новизна восприятия ввиду того, что Индия только начинает разворачивать программы «мягкого воздействия» в государствах Центральной Азии. Востребованные программы повышения квалификации в Индии в инженерной области среди государственных служащих центральноазиатских республик.

		поддержки.		
Слабые стороны используемых инструментов непрямого воздействия	Ориентированность российских акторов «soft power» исключительно на работу с «соотечественниками за рубежом», неумение работать с различными сегментами обществ «ближнего зарубежья»; отсутствие у постсоветской России «своего лица» и системы ценностей, которые она могла бы предъявить миру.	Неоднозначное восприятие государствами Центральной Азии дальнейшего расширения влияния США (вплоть до оценок в категориях угрозы политической стабильности).	Излишняя централизация и исключение некоммерческих структур из сферы принятия решений. Директивность и негибкость государственно-центрристской модели выстраивания «мягкой силы».	Отсутствие отработанных механизмов реализации потенциала индийской «мягкой силы» в Центральной Азии, что делает действия Индии в этой области хаотичными. Неразвитые программы студенческого и научного обмена, стажировок и стипендиальных программ.
Возможности развития инструментов и ресурсов «мягкой силы»	Переход от работы с «соотечественниками» к взаимодействию с гражданским обществом в целом, с молодежью, с политическими, деловыми и культурными элитами; активизация программ студенческих обменов; грантовая поддержка ученых из Центральной Азии, реализация совместных научных проектов; создание (или поддержка существующих) think tanks, которые занимаются изучением Центральной Азии, более активное привлечение экспертного сообщества к	Увеличение количества государственных служащих, получивших западное образование, толерантно относящихся к экономическим и гуманитарным стандартам США, способно серьезно переориентировать системы управления в странах Центральной Азии.	Проживание уйгуров, узбеков, казахов и таджиков на территории Китая и стран Центральной Азии задают условия для формирования транснациональных культурных связей.	Разворачивание масштабных кампаний в рамках государственно-частного партнерства. Серьезный медийный потенциал. Наличие востребованного геополитического проекта Индии в регионе в формате Движения неприсоединения.

	разработке российской стратегии «мягкой силы»; дифференциация этой стратегии по различным регионам (сейчас Россотрудничество имеет одинаковую стратегию работы для Центральной Азии, Украины, Западной Европы и Латинской Америки).			
Угрозы для реализации программ «мягкой силы»	Сокращение ареала русского языка в Центральной Азии, экономическая переориентация государств региона на других акторов, возрастающая конкуренция на рынке образовательных услуг, которую Россия не всегда выдерживает.	Высокая активность по развитию программ «мягкой силы» со стороны КНР и появление Индии как нового влиятельного актора в Центральной Азии. Стремление национальных элит поддерживать баланс среди сил влияния региона, путем сдерживания проектов США.	Широкое распространение в интеллектуальных и экспертных кругах государств Центральной Азии идей о т.н. «китайской угрозе», в т.ч. излишней зависимости от китайской экономики.	Присутствие сильных противников (России, США и Китая), возможности и ресурсы которых в области реализации программ «мягкого воздействия» в Центральной Азии пока гораздо шире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенной работы можно сформулировать ряд основных выводов:

Ситуация, в которой осуществляется взаимодействие России с постсоветскими государствами, по ряду параметров отличается от той, что была описана Дж. Наем в рамках его концепции «мягкой силы».

Прежде всего, набор ресурсов, на которых основывается российская «мягкая сила», не вполне соответствуют тому, что описывал Дж. Най. Мы можем отметить отсутствие в российской «мягкой силе», по крайней мере, одного важного элемента – транслируемых вовне политических ценностей и идеалов. Современная Россия испытывает явный кризис политического самоопределения, который выражается в том, что наше общество не понимает, какие базовые ценности должны лежать в его основе, какова геополитическая идентичность России, в каком стратегическом направлении стране необходимо двигаться и т.д. Все это разительно отличается от американской ситуации.

Второе ограничение связано со спецификой политических режимов, которые установились в части постсоветских государств (Центральная Азия, Азербайджан, Беларусь). Дело в том, что классические концепции «мягкой силы» предполагают, прежде всего, воздействие на гражданское общество, на общественное мнение той или иной страны, на работу с различными группами среди политических, интеллектуальных и деловых элит. Но что делать в ситуации, когда гражданское общество крайне слабо, парламент является простым придатком президентской власти, а в стране нет ничего похожего на западную *public policy*? Такой тип режимов, свойственный в той или иной мере многим постсоветским государствам, ограничивает возможности использования там инструментов российской «мягкой силы».

Далее, специфика взаимоотношений России с постсоветскими государствами определяется, прежде всего, тем фактом, что нынешняя Россия воспринимается остальными странами бывшего СССР не просто как один из осколков Советского Союза, но, в первую очередь, как наследница бывшей «мегрополии». Все это создает на постсоветском пространстве те же линии напряжения, которые существуют или существовали в отношениях европейских стран со своими бывшими колониями. И,

разумеется, постимперская ситуация содержит в себе немало сложностей для реализации «мягкой силы»: большинство новых независимых государств стремятся утвердить свою идентичность на оппозиции к имперскому прошлому, трактуют его исключительно в черных тонах, стремятся вытеснить из символического пространства все, связанное с бывшей метрополией.

Тем не менее, несмотря на обозначенные выше ограничения, полный отказ России от инструментария «мягкой силы» на постсоветском пространстве был бы все же ошибкой, т.к. потенциал «мягкой силы», т.е. возможность использования нематериальных ресурсов для достижения своих внешнеполитических целей, у России все-таки есть.

В ее распоряжении по-прежнему остается такой важный ресурс как культура и язык – практически на всем постсоветском пространстве российская массовая культура имеет достаточно большую популярность: многие люди продолжают смотреть российское телевидение, читать газеты на русском языке и выходить в русскоязычный сегмент интернета. В ряде постсоветских государств продолжает изучаться русский язык, в т.ч. русскоязычной остается значительная часть вузовского обучения. Русский язык активно применяется в деловой сфере, а также в качестве *lingua franca*.

Постимперская ситуация порождает не только взаимное отталкивание бывшей метрополии и бывшей имперской периферии, но также и взаимное притяжение, которое основывается на отсутствии языкового барьера, на сохранении экономических связей, на проторенных направлениях трудовой миграции и т.д. Кроме того, сама по себе постколониальная ситуация воспринимается в различных государствах бывшего СССР с совершенно разной степенью драматизма. Скажем, в странах Балтии или Грузии советский период однозначно оценивается в терминах оккупации, порабощения, колонизации, в Казахстане же идут серьезные дебаты о том, какие последствия имела его инкорпорация в состав России и при всем критическом отношении к советскому периоду признается его модернизационное значение для казахов; а в таких странах как Беларусь, Таджикистан, Армения и Киргизия постколониальный дискурс вообще фактически является маргинальным.

Таким образом, потенциал у российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве существует, однако этот потенциал сильно дифференцирован по различным государствам, например, в странах Балтии он явно невысок, зато в

центральноазиатских государствах он достигает своего пика. Именно Центральная Азия кажется наиболее перспективным регионом с точки зрения использования российской «мягкой силы». Социологические опросы показывают, что в странах Центральной Азии Россия воспринимается в целом позитивно – как дружественная страна, как важный союзник, как передовое и развитое государство с современной экономикой и политической системой. На позитивный образ России работает и скорее положительное отношение населения к общей с Россией истории.

При этом потенциал российской «мягкой силы» основан почти целиком на ресурсе прошлого, а не на достижениях настоящего. Как мы уже отмечали ранее, распространение русского языка на постсоветском пространстве, привычка населения ориентироваться на Россию как на бывшую «метрополию» в своих миграционных и образовательных стратегиях – все эти факторы являются наследием советской эпохи, т.е. они имеют явно инерционный, остаточный характер. В связи с этим России необходима продуманная политика в области «мягкой силы», которая позволила бы ей не только сохранить, но и расширить имеющиеся ресурсы своего культурно-символического влияния.

Трудно говорить о наличии у России в настоящее время эффективной стратегии «мягкой силы». Продуктивной работе со своей *soft power* препятствует, на наш взгляд, не совсем адекватное понимание этого концепта со стороны российского истеблишмента и части экспертного сообщества, когда суть «мягкой силы» сводят к «манипулированию общественным мнением и сознанием», к подготовке «цветных революций», к пропаганде и пр.

Существенным изъяном деятельности российских проводников «мягкой силы» (Россотрудничество, Фонд «Русский мир») является также сознательный упор на работу с «соотечественниками за рубежом». Акцент на русскоязычное население мешает им адресовать свою деятельность значительно более широким категориям населения постсоветских государств. Кроме того, анализ конкретных проектов и мероприятий, осуществляемых под эгидой Россотрудничества, Фонда Горчакова и фонда «Русский мир» показывает их низкую эффективность с точки зрения влияния на общественное мнение постсоветских государств и формирования там позитивного имиджа России (в основном деятельность упомянутых структур сводится к организации концертов, выставок, конференций и т.д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: ФСПИ «Тренды», 2006.
- 2 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. Электронный ресурс: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6d84ddedebf7da644257b160051bf7f.
- 3 Nye J. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616, Mar., 2008. P. 94.
- 4 Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly. Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004). P. 260.
- 5 Gatagova L. The Russian Empire and the Caucasus: The Genesis of Ethnic Conflicts // Ethnic and National Issues in Russian and East European History / Ed. by John Morison. Basingstoke (Hants.); London: Macmillan press; New York: St. Martin's press, 2000. Pp. 10-28.
- 6 Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // Publications of the Modern Language Association of America. 2001. Jan. Vol. 116. № 1. P. 111—128.
- 7 Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии // Неприкосновенный запас. 2009, № 4(66). Электронный доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html> (дата обращения - 06.11.2016).
- 8 Бoffa Дж. История Советского Союза в 2 т. М.: «Международные отношения», 1990. Т.2, с. 174.
- 9 Moore D.Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // Publications of the Modern Language Association of America. 2001. Jan. Vol. 116. № 1. P. 123.
- 10 Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // Ab imperio. 2011, №1. С. 170.
- 11 От редакции. Многообразие инаковости в XX в. // Ab imperio. 2011, №1. С. 9.
- 12 Цит. по: Назиров К. Путинские планы устами Жириновского, или чем так озабочен Каримов? Электронный доступ: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20141201/224600082.html> (дата обращения: 01.11.2016).

- 13 Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 169.
- 14 Соловьев Э.Г. Дефицит «мягкой силы» в политике России на постсоветском пространстве // Политические процессы в современном мире: трансформация на фоне глобализации / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 166.
- 15 Караганов С., Песков А. (2016) Главный российский товар – безопасность // Военно-промышленный курьер. №13(628). 06.04.2016 // <http://vpk-news.ru/articles/30074>. (дата обращения: 08.07.2016).
- 16 Летняков Д.Э. (2015) Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. 2015. №4 (79). С. 100–115.
- 17 Pavlenko A. Russian Language in Post-Soviet countries // Russian Linguistics, Vol. 32, No. 1 (2008), p. 72.
- 18 Thorez J. The Post-Soviet Space Between North and South: Discontinuities, Disparities and Migrations // Sophie Hohmann, Clarie Mouradian, Silvia Serrano, Julien Thorez (eds.). Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era. L.; N.Y.: IB Tauris, 2014. Pp. 225-232.
- 19 Jacob E. The Choice of Francophonie in Postcolonial Africa, 1960-1970. Columbia University Department of History, 2013. P. 46.
- 19 Kudaibergenova D. The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-independent Kazakhstan // Europe-Asia Studies. Vol. 68, No. 5, July 2016, Pp. 917–935.
- 20 Джунушалиева Г. «Центральная Азия в составе Российской империи»: взгляд из Кыргызстана // Ab imperio. 2008, №4. С. 454.
- 21 Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015. С. 44.
- 22 Восприятие молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов. Апрель-май 2009 г. Электронный доступ: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/db3/090909.pdf> (дата обращения - 07.11.2016).
- 23 Олимова С. Образ России в Таджикистане // Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222) / Под ред. М.Г. Носова и др. М.: Ин-т Европы РАН, 2008. С. 127-132.
- 24 Абдуллаев Е. Образ России в современном Узбекистане: вытеснение – использование – сохранение // Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады

Института Европы, № 222) / Под ред. М.Г. Носова и др. М.: Ин-т Европы РАН, 2008. С. 69.

25 Nye J. Jr. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. 23.02.2006. Электронный доступ: <http://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power> (дата обращения: 07.11.2016).

26 Nye J. Jr. Soft Power and American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 119, No. 2 (Summer, 2004). P. 256.

27 Караганов С., Песков А. Главный российский товар – безопасность // Военно-промышленный курьер. №13(628). 06.04.2016. Электронный доступ: <http://vpk-news.ru/articles/30074> (дата обращения: 08.07.2016).

28 Анхольт С., Хильдред Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2010. С. 21.

29 Казанцев А.А., Меркушев Н.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования мягкой силы // Полис. 2008, №2. С. 126

30 Чепурин А. Соотечественники как зарубежный ресурс // НГ-Дипкурьер. 13.02.2006. Электронный доступ: http://www.ng.ru/courier/2006-02-13/12_resurs.html. (дата обращения: 01.04.2016).

31 Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992-2002). М.: Изд-во «Наталис», 2006. С. 198.

32 Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2015 г. Электронный доступ: http://rs.gov.ru/sites/default/files/doklad_2015_0.pdf (дата обращения: 01.04.2016).

33 Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2015 г. Электронный доступ: http://rs.gov.ru/sites/default/files/doklad_2015_0.pdf. С. 17. (дата обращения: 01.04.2016).

34 Концепция Федеральной целевой программы «Русский язык». Электронный доступ: <http://rs.gov.ru/sites/default/files/fcp2016.pdf>. С.8. (дата обращения: 01.04.2016).

35 Концепция «Русская школа за рубежом». Электронный доступ: <http://kremlin.ru/acts/news/50643>. (дата обращения: 01.04.2016).

36 Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. Электронный ресурс: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/6d84ddedebf7da644257b160051bf7f. (дата обращения: 11.02.2016).

37 Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: РУДН, 2015.

38 О стратегии USAID в Центральной Азии (2014) // StandRadar. 02.11.2014 // <http://www.stanradar.com/news/full/13461-o-strategii-usaid-v-tsentralnoj-azii.html> (дата обращения: 01.09.2016).

39 Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года (2014) // М.: ИНЭИ РАН, Аналитический центр при Правительстве Российской федерации, 2014. 173с. // https://www.eriras.ru/files/forecast_2040.pdf (дата обращения: 01.04.2016).

40 Сатпаев Д. Китайская экспансия: мифы и реалии // Forbes. Kazakhstan. 17.01.2013. Электронный доступ: http://forbes.kz/process/expertise/kitayskaya_ekspansiya_mifyi_i_realii. (дата обращения: 01.04.2016).

41 Борох О.Н., Ломанов А.В. (2012) От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. №4 // <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643> (дата обращения: 11.05.2016).

42 Wolfowitz P. Remembering the future (2000) // The National Interest. №59. Spring 2000. P. 35-45.

43 Изимов Р. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // ИА Regnum. 28.01.2014. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1759411.html> (дата обращения: 11.05.2016).

44 Изимов Р. «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // ИА Regnum. 28.01.2014. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1759411.html> (дата обращения: 11.05.2016).

45 Комиссина И.Н. Научные и аналитические центры Китая. М.: РИСИ, 2012. С. 41.

46 Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года. М.: ИНЭИ РАН, Аналитический центр при Правительстве Российской федерации, 2014. С.29. Электронный доступ: https://www.eriras.ru/files/forecast_2040.pdf (дата обращения: 11.05.2016).

47 Савкович Е.В. Развитие отношений Индии с государствами Центральной Азии в 1990-2000-е гг. и позиция Китая // Вестник Томского государственного университета. №3 (19). 2012. С. 114-120.

48 Campbell I. India's role and interests in Central Asia. London: Saferworld, 2013. P.3.

49 Mohan R. India and the balance of power // Foreign Affairs. 01.07.2006. Vol. 85. Access mode: <http://users.clas.ufl.edu/zselden/Course%20Readings/Mohan.pdf> (дата обращения: 11.05.2016).

50 ICCR Scholarships for Tajiks (2015) / Embassy of India in Tajikistan. 2015 // <http://indianembassytj.com/index.php?itfpage=contents&itemid=iccr> (дата обращения: 11.05.2016).

51 Tharoor S. India as a soft power // India International Centre Quarterly. Vol. 35. №1. P.44.

52 Media and Entertainment Industry. Television, one of the largest and fastest growing segment (2015) // India Brand Equity Foundation. 2015 // <http://www.ibef.org/industry/media-entertainment-india.aspx> (дата обращения: 11.05.2016).

53 Казахстанцы любят смотреть новости, индийские сериалы и советское кино (2014) / Право и СМИ Центральной Азии. 31.03.2014 // <http://medialaw.asia/posts/31-03-2014/80303.html> (дата обращения: 11.05.2016).

54 Tharoor S. India's Bollywood Power. Access Mode: <http://www.policyinnovations.org/ideas/commentary/data/000030> (дата обращения: 21.06.2016).